

ГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБОСОБЛЕННОГО ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ОРТОЛОГИИ

Л. М. Кольцова, Т. Ю. Кудрявцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 марта 2013 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме обособления деепричастного оборота. Дается обзор пунктуационно-графических средств выделения деепричастия (деепричастного оборота), условий их употребления, особенностей функционирования и семантики. Рассмотрение обособленного деепричастного оборота в трех аспектах – номинативном, прагматическом и коммуникативном – позволяет сделать вывод о том, что оформление их знаками препинания не только усиливает пунктуационную позицию, но и выступает мощным средством выражения авторской интенции.

Ключевые слова: пунктуационно-графические средства обособления деепричастного оборота, двойные знаки препинания, пунктуационная позиция, авторская интенция.

Abstract: the paper discusses dangling adverbial participle constructions, means of their punctuation marking in a sentence, conditions of their use, and their semantic and functional features. Dangling adverbial participle constructions are described from nominative, pragmatic and communicative perspectives. This kind of analysis allows for drawing a conclusion that these constructions and their punctuation marking in a text function as a powerful tool for expressing author's intentions.

Key words: graphic means of punctuation marking of double discusses dangling adverbial participle constructions, punctuation marks, author's intention.

Вопросы графического выделения деепричастного оборота рассматриваются русистами в рамках темы «Обособленные члены предложения» и связаны главным образом с проблемой репрезентации осложнения простого предложения. Правила пунктуационного оформления деепричастия (деепричастного оборота) широко представлены в грамматиках, специальных словарях и справочниках, школьных и вузовских учебниках и принадлежат к числу строго кодифицированных. Однако под воздействием практики употребления они обросли таким количеством исключений и допущений, что изначально весьма категорично сформулированное правило перестало служить для пишущего надежной опорой и явило собой благодатную территорию «пунктуационного террора». Это позволяет говорить о том, что проблема обособления деепричастного оборота остается по-прежнему актуальной и требует пристального внимания.

Понятие обособления было впервые осмыслено и введено в научный обиход в работах А. М. Пешковского. Обособленным он называет второстепенный член, «уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и – параллельно – в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному

предложению» [1, с. 416]. Это определение вобрало в себя два ключевых основания обособления – коммуникативную обусловленность (зависящую исключительно от намерений автора выделить либо не выделить какой-либо из членов предложения) и конструктивную обусловленность (обязательную и закрепленную языковой нормой). И до сих пор лингвистическая наука придерживается точки зрения на обособление как на «ритмико-интонационное выделение какого-либо неглавного члена предложения в целях сообщения ему самостоятельной коммуникативной значимости» [2]. Однако обособление деепричастного оборота не вписывается в рамки данного определения.

Особое положение изучаемых конструкций было отмечено еще И. П. Распоповым, утверждавшим, что в случае выделения деепричастного оборота мы имеем дело с обособлением иного рода. «Здесь «смысловое выделение» является производным от собственно грамматической функции, а «интонационное выделение» служит одним из формальных показателей его особой конструктивной позиции в ряду других членов» [3, с. 261]. Следовательно, причины следует искать прежде всего в области грамматики: обособление деепричастного оборота обусловлено его синтаксической функцией и двойной связью – с глаголом-сказуемым, с одной стороны, и предметом-подлежащим или его аналогом – с другой.

В силу того, что в печатной практике обязанность обособления деепричастий и деепричастных оборотов осуществляется достаточно последовательно, правила и рекомендации получают все более категоричные формулировки. Так, если А. Б. Шапино еще допускает, что «одиночные деепричастия и деепричастия с зависимыми словами (деепричастные обороты) могут быть обособленными и необособленными и соответственно могут выделяться или не выделяться знаками препинания» [4, с. 170], то А. Н. Наумович утверждает: «Обособление обстоятельств, выраженных деепричастиями и деепричастными оборотами, обуславливается грамматической спецификой деепричастий... Поэтому одиночные деепричастия и деепричастные обороты как относительно самостоятельные смысловые и грамматические центры предложения, выполняющие полупредикативную функцию, как правило, всегда обособляются, независимо от их места в предложении и по отношению к глаголу-сказуемому» [5, с. 144].

Такой взгляд на статус деепричастия и функцию его в предложении породил соответствующее правило, вошедшее в число строго кодифицированных. И деепричастие (деепричастный оборот) в обязательном порядке, «по правилу», обособляется на письме независимо от того, есть ли собственно языковые основания для такого обособления. А именно с отсутствием такого основания и связано огромное число пунктуационных ошибок. Языковое чутье пишущего протестует, оказывается сильнее вызубренного правила.

Сравним несколько примеров из реальных текстов:

Базаров долго сидел нагнувшись над своею чашкою, да вдруг взглянул на нее... (И. Тургенев).

Только нередко она тупо ухмылялась и кланялась подходившим к ней людям древнего письма и опять сидела, сложив на коленях руки (Н. Лесков).

Поцеловав ее почтительно и два раза сряду, он сел не торопясь в кресла и с улыбкой, потирая самые кончики пальцев, проговорил... (И. Тургенев).

Илья Артамонович сидел на диване, возле него сидел Пармен Семенович, потом, стоя и сидя, мотились другие (Н. Лесков).

Татьяна отвечала не чинясь и сама расспрашивала и рассказывала (И. Тургенев).

«Ничего», – отвечал, краснея, непривычный к лжи Персиянцев (Н. Лесков).

Нетрудно заметить, что интонация, на которую «ориентирует» правило об обособлении, ни в коей мере не может дифференцировать такого рода построения, поскольку синтагматическое членение высказывания здесь вариативно и полностью зависит от намерений пишущего. Не случайно также и то, что деепричастия (деепричастный оборот) системно

вводятся в предложение и обязательно обособляются в текстах Н. Лескова и не обособляются довольно часто в текстах И. Тургенева. И само обилие деепричастных оборотов, пунктуационно оформленных, характерно для стиля одного писателя и несвойственно другому.

Само наличие в высказывании деепричастия обусловлено творческой задачей автора, а пунктуационная позиция не может быть определена как сильная основная.

Следует признать, что вся сфера обособления находится за пределами сильных пунктуационных позиций. Сильная основная пунктуационная позиция – объективное явление, диктуемое логикой и грамматикой. Она «навязывается» языком автору, создающему письменный текст. И без учета требований языка невозможна адекватная передача содержания (номинативного аспекта) высказывания. Обособление же целиком и полностью зависит от намерений автора, т.е. представляет собой прагматический аспект высказывания и обсуждается комплементарными позициями.

При решении проблемы обособления традиционными важными условиями становятся:

1) объем обособляемой группы, т.е. наличие у деепричастия зависимых слов или вхождение деепричастного оборота в группу однородных членов;

2) положение деепричастного оборота относительно подлежащего и сказуемого: в большинстве случаев обособляется деепричастный оборот, стоящий в препозиции или в интерпозиции, тогда как деепричастный оборот в постпозиции относительно главных членов чаще оказывается необособленным;

3) семантика деепричастного оборота и глагола-сказуемого: наличие тесной смысловой связи между ними позволяет объединить их в смысловой блок и разрешает «необособление» деепричастного оборота.

Вместе с тем вышеперечисленные условия не всегда оказываются достаточным основанием для обособления деепричастного оборота, и у пишущего по-прежнему возникают трудности при употреблении данных конструкций. Не случайно исследователи относят осложненное предложение на синтаксическую периферию [6, с. 83], что связано главным образом с дисбалансом между теоретической и практической разработкой вопроса. В частности, должного освещения не получила система пунктуационно-графических средств обособления. Между тем проблема способов и средств графической репрезентации заявленных структурных комплексов оказывается непосредственно связанной с вопросами обособления деепричастного оборота. Актуальность ее со временем лишь возросла, так как практика письма шире и богаче заявленных норм, правил и стандартов. Тем

не менее справочная и учебная литература последовательно говорят лишь об одном знаке препинания в целях обособления деепричастных оборотов – о запятой. Однако в указанной функции широкое применение получили и другие знаки препинания, в частности тире и скобки. В связи с этим целесообразно остановиться на рассмотрении всего спектра пунктуационных средств, использующихся для графического выделения деепричастия (деепричастного оборота).

Известно, что для обозначения деепричастного оборота на письме используются двойные знаки препинания, т.е. состоящие из двух одинаковых элементов, и их функция – выделить источник дополнительной информации, наслаивающейся на основную. Использование знаков препинания делает зримой пропозиционную осложненность структур, содержащих деепричастный оборот. Более того, подчеркивается синтаксический статус деепричастия: формально примыкая к сказуемому, оно семантически согласуется с подлежащим, и обособление в данном случае «сопровождает и поддерживает связь определенных компонентов лексико-грамматического состава предложения с другими компонентами этого состава» [3, с. 259]: *Проматав в Москве большую часть имени своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде* (А. Пушкин).

В полной мере двойные знаки проявляют свой семантический потенциал, если деепричастный оборот стоит в середине предложения: *Со ступеньки встал и пошел, с выпученным серым, пупастым животом, мужского пола младенец, ковыляя на калачиках и стараясь нести зараз три апельсина, неизменно один роняя...* (В. Набоков); *Колюня встал и нетвердыми шагами, держась за стенку, вернулся в дом и стал жадно есть яйцо* (А. Варламов); *Он только смотрит на нее, задрал голову, и рот у него открыт* (А. Геласимов).

Если деепричастный оборот стоит в начале предложения, то первый элемент знака воплощается в абсолютно сильной позиции начала и усиливается благодаря появлению заглавной буквы, открывающей не только оборот, но и предложение в целом: *Получив высокий приказ, проворно слез со стремянки, оседлал старого мула и направился к войску, которое пятый месяц осаждало непокорный замок* (В. Быков); *Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги* (А. Пушкин); *Уйдя еще до рассвета в тайгу, он не сделал ни одного выстрела и даже не видел ни одной птицы, годной в варево* (В. Астафьев).

Если деепричастный оборот располагается в конце предложения, то второй элемент двойного знака поглощается более сильным знаком конца: *Она отерла заплаканные глаза и подняла их на Германна:*

он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь (А. Пушкин); *Ни у кого из тех, кто жил под угрозой камня, не было силы с ним справиться, и камень лежал так, может, сотни лет, затаив в себе молчаливую угрозу людям* (В. Быков); *Как же работать, ни с кем не советуясь?* (А. Солженицын); *Ты не можешь уйти, ничего не объяснив!* (Д. Рубина).

На первый взгляд может показаться, что позиция начала или конца предложения оказывается усиленной для двойных знаков. Однако практика письма опровергает это предположение. Стоящий в середине деепричастный оборот обособляется всегда (и это признается всеми исследователями). И именно позиция начала или конца предложения дает благодатную почву для появления всякого рода исключений и «особых случаев», допускающих «непостановку» знаков препинания.

Самым частотным по употребительности знаком, используемым для графического выделения деепричастного оборота, является двойная запятая: *Замысловатая система долго действовала, спасая, выручая, защищая...* (Д. Гранин); *И сын писал, почти лежа на столе, скаля зубы в металлических лесах, и оставлял просто пустые места на словах «ложь» и «лож»* (В. Набоков); *Отец, нервно посмеиваясь, достал стамеску* (С. Довлатов). Правило использования этого знака зафиксировано во всех грамматиках, справочниках, учебных пособиях. Двойная запятая выполняет прежде всего грамматическую функцию, отделяя обособленный член от основы предложения. Однако функция разделения в данном контексте совмещается с более сложной функцией выделения, что позволяет двойной запятой как знаку решать более важную задачу – сигнализировать о границах блоков, выделять наиболее коммуникативно нагруженные. Как правило, двойной запятой оказывается вполне достаточно для того, чтобы указать на смысловую и грамматическую зависимость деепричастного оборота.

Точка с запятой как знак обособления – явление редкое и, как правило, стилистически маркированное и используемое для более наглядной дифференциации структурных блоков предложения. При этом он становится несомненно комплексным, многофункциональным знаком. Благоприятными факторами появления точки с запятой на месте нормативной запятой являются увеличение объема группы деепричастного оборота, структурная сложность и насыщенность, что делает необходимым внесение ясности и точности и служит разделению смысловых блоков: *Город в истории вел себя заносчиво, отстраняясь от Кастилии, которую Каталония никогда не любила; отталкиваясь от Мадрида, с которым Барселона всегда соперничала* (П. Вайль); *Тотчас обступили ее подруги, соболезнуя и спрашивая; биясь в их объятиях, отталкивала она также и кавалера, крича, что*

ее околдовали (А. Грин); *И я уважил мать, женился; повторяя и дальше путь отца, выбрал малярку из вагонного депо, по имени Даша* (В. Астафьев). Будучи по своей природе знаком одиночным, точка с запятой употребляется при положении деепричастного оборота в начале или конце предложения: *Но родители бывали на даче редко; проведая детей и привозя продуктов, поделав в охотку или для видимости что-нибудь в огороде и поев ягод с кустов, они уезжали до следующих выходных...* (А. Варламов). Точка с запятой не привносит в предложение дополнительных семантических оттенков. В целях усиления позиции авторы предпочитают использовать более экспрессивные знаки – скобки и тире.

Введенный в русское письмо Карамзиным и долгое время не принимаемый [8, с. 13], знак тире в последние десятилетия активно используется на месте нормативной запятой, особенно в текстах художественных, публицистических и художественно-публицистических: *В этом месте Дарданеллы переплыл лорд Байрон, чем очень гордился, и всем писал, что повторил подвиг Леандра – как-то упуская из виду, что тот плавал еженощно, а он единоразово* (П. Вайль); *Утомившись, мать пошла на балкон – вспомнив совет врачей дышать воздухом и ни о чем не думать* (А. Слаповский); *Я уже собрался дать ракетный залп и повернуть, но тут система сама переключилась на старинный спутник – предупредив меня, сколько это будет стоить* (В. Пелевин). В отличие от запятой тире является «как бы отделительным-соединительным знаком» [там же] и помимо этого выполняет функцию предупреждения [9, с. 16]. Знак тире обладает большей выделительной силой и применяется для графического обозначения «чужеродных» для текста элементов – вводных и вставных конструкций. Кроме того, неоднократно отмечена исследователями экспрессивно-грамматическая функция тире и возможности использования этого знака в целях повышения выразительности, наглядности, эмоциональности текста: *Не говоря – свергнуть готовы* (И. Бродский); *Не говоря – брат* (И. Бродский). В приведенных примерах тире между одиночным деепричастием и глаголом-сказуемым не просто указывает на их взаимозависимость, но акцентирует внимание на взаимоисключаемости выражаемых ими действий. Факт существования одного действия резко исключает возможность существования другого.

Знак тире может быть употреблен в неполных и эллиптических предложениях с деепричастным оборотом: *Разлетались доски: одни – застревая в простенках или тычась пиками в людей, другие – ломаясь со звуком выстрелов под их же напором* (О. Павлов); *Замерли оба на минуту, он – неловко согнувшись, она – вытянувшись, прижавшись теплой мягкой щекой к его лицу, сотрясаясь от мелкой дрожи* (В. Каверин);

А в середине – придерживая край скатерти, буханка черного хлеба (из газ.). В подобных структурах тире проявляет полифункциональность присущих ему свойств: во-первых, замещает позицию опущенных элементов; во-вторых, выделяет смысловые блоки; в-третьих, устанавливает семантико-грамматические отношения основной части предложения и обособленной конструкции.

Наиболее выраженной выделительной силой из двойных знаков обладают скобки – «они фактически изолируют заключенный в них текст от предложения» [9, с. 42]. Причин этому несколько. Во-первых, скобки, по мнению исследователей, не заключают в себе общей функции связи. Во-вторых, в отличие от запятой и тире, скобки не соотносятся с одиночными знаками препинания и всегда двукомпонентны. В-третьих, скобки не теряют выделительной силы в зависимости от позиции и не могут быть поглощены другим знаком препинания.

Как и тире, скобки используются для введения в текст вводных и вставных конструкций, несущих различного рода поясняющую и сопутствующую информацию. Они могут быть выражены и деепричастными оборотами: *Вы стараетесь не действовать импульсивно (на поводу у чувства), а делать то, что вам представляется справедливым (обдумав ситуацию)* (из журн.); *Словно бы на прощанье (прощаясь и, быть может, прощая его) юноша вновь обрел более или менее ясные черты (и как вспыхнуло!)* (В. Маканин). Традиционно считается, что в скобки заключаются элементы, наименее или даже вовсе не связанные грамматически с другими членами предложения, – авторские конструкции, самостоятельные предложения как дополнительные сообщения, авторские пояснения. Именно художественная практика вводит этот знак препинания в структуры с деепричастием в целях обособления. Например, скобки широко используются В. Маканиным именно для графической репрезентации деепричастных конструкций: *...стрелок стоял, озираясь, возле их заpleванного магазинишки (ожидая бутылку) и услышал об этом от проходивших мимо солдат; Вот оба они ввали в дрему (доверяя), а вот Рубахин уже почувствовал, как юношей вновь овладела тоска; Трава еще не распрямилась; он лежал на том месте, что и два дня назад, когда его толкнули в бок и послали за подмогой (дав Вовку в придачу); Он лежал на спине — глядел в небо, а слева и справа (давя на боковое зрение) теснились те самые горы, которые обступили его здесь и не отпускали; А девица, не помню имя (натурищица, бедовая, с красивыми ногами), сидела себе возле газовой плиты, разжаривая на сковородке высушенные корки хлеба (размягчая их).*

Выделение деепричастий и деепричастных оборотов с помощью скобок помогает автору довести

мысль до высшей степени конденсации через изображение максимально сконцентрированного действия. Здесь скобки выступают мощным средством выражения авторской интенции. Причем они не нарушают взаимосвязи деепричастия с другими компонентами предложения, а, напротив, подчеркивают ее, выделяя наиболее актуализированный член предложения.

Редкий и не отмеченный в литературе в функции выделения обособленных членов знак препинания – многоточие, который тем не менее встречается в позиции обособления деепричастного оборота: *Хорошие новости для матерей, которые любят свою работу и уходят на нее... нередко страдая при этом от чувства вины перед собственным ребенком* (из журн.).

Исследователями неоднократно отмечалось, что многоточие может занимать в предложении любую позицию – начала, середины и конца – и оно несет в себе в первую очередь большую смысловую нагрузку, обозначая «смысловую разобщенность» [8, с. 36] частей конструкции, либо сигнализируя о резкой смене направления мысли, о прерванности речи, либо подчеркивая особую значимость сообщаемых фактов. Многоточие всегда означает пропуск – грамматическую или смысловую незавершенность [10, с. 178].

Термин «двойное многоточие» появляется в работах Б. С. Шварцкопфа, но он упоминает лишь три условия употребления этого знака препинания: как поиск способа выражения (*А то мои коллеги скажут, что я... как его... саботажник* (Вс. Кочетов)), как комментарий к сказанному (*Вам бы надлежало завтра... слава богу, еще – есть завтра... вступить и поддержать меня* (И. Герасимов)), а также с междометным наполнением (*Данилычу даже показалось, что это... м-м-м... ну, ангел женского рода, сошедший на землю* (В. Поголяев)). По сути, речь идет о выведении из состава предложения все тех же «чужеродных» элементов – вводных и вставных конструкций. Однако художественная практика оказывается шире. В текстах, например, М. Цветаевой находим многоточие в функции обособления деепричастного оборота:

*Длинную руку на бедро...
Вытянув вью...
Березовое серебро,
Ручьи живые.*

*В летописях и в лобзаннях
Пойманное... но песка
Струечкою шелестя...
Время, ты меня обманешь!*

В указанной позиции многоточие не просто обозначает недоговоренность, а дает предложению перспективу, в том числе и (по выражению О. Г. Ревзиной) синтаксическую, создает условия для восприятия

деепричастного оборота в качестве самостоятельного предложения. Цепочки и переплетения деепричастных оборотов позволяют передать динамику в статике, создают эффект вневременного действия.

Наконец, в литературе деепричастный оборот встречается в изолированном употреблении. Речь идет в первую очередь о конструкциях экспрессивного синтаксиса – парцелляции и вопросно-ответных построениях в монологической речи.

Под парцелляцией понимается полное интонационное и семантическое вычленение определенных элементов высказывания, оформленного в письменной речи «конечными» знаками препинания. Точка выступает как «субститут» запятой. Оказавшись в положении в конце предложения, двойная запятая занимает слабую позицию. Использование точки в данном случае усиливает позицию выделительного знака и акцентирует внимание на деепричастном обороте, делая его значимым в коммуникативном и смысловом плане. Более того, точка как средство парцелляции привносит в текст экспрессивность, эмоциональность, служит средством воплощения авторской интенции: *Потом бухнулась передо мной на колени. Утратив всякое достоинство, отбросив приличия, жалкая и униженная* (Д. Фонкинос); *Она нет-нет и появляется как знак. Не давая человеку сойти с пути* (В. Маканин).

Вопросно-ответные конструкции в монологической речи – мощное средство экспрессии, к которому часто обращаются печатные средства массовой информации: *Как это принять? Спрашивая себя, произошло ли это событие только из-за внешних причин или все же на него повлиял наш не совсем разумный выбор и неверные решения* (из журн.); *Как это принять? Прежде всего, заменив слово «принять» на «осознать». Затем спросив себя: действительно ли несправедливо то, что мы ощущаем как несправедливость?* (из журн.). При внешней отделенности от матричного центра и самостоятельности употребления деепричастный оборот в подобных структурах сохраняет связь с грамматической основой предложения-вопроса.

Двоеточие – не используемый для обособления деепричастия знак. Будучи по своей природе одиночным и выступающий в функции разделительной, знак двоеточия употребляется в контекстах со строго ограниченной семантикой (перечисление при однородных членах с предшествующим обобщающим словом, причинно-следственное значение, в безличных предложениях при пояснительных отношениях). В контекстах с деепричастием двоеточие используется, если следующая за деепричастием часть сложного предложения поясняет действие, названное деепричастием, и деепричастие управляет этой составляющей сложного бессоюзного целого: *И квиточек от-*

дала, тоже не глядя: положила на стойку и занялась другим делом (В. Шукшин); Огрызков нахмурился, подумав: не туда ли этот подросток показывает, откуда они шли ночью? (В. Быков); По утрам она доставала очередной пакет или кулек, придирчиво нюхала, сомневаясь: выбросить или деду отдать... (Д. Рубина).

Подводя итоги, отметим: при обособлении деепричастного оборота конструктивный аспект совмещается с коммуникативным, и на выбор знака препинания влияет не только структурная особенность и позиция в предложении конструкции, но и ее смысловая нагруженность. Двойные запятые, обладающие наименьшей выделительной силой, – наиболее часто используемый знак для обособления деепричастного оборота: его оказывается вполне достаточно, чтобы подчеркнуть грамматический статус. Для выделения более значительных и распространенных конструкций используется знак тире, а многоточие и скобки нужны при наиболее резком выключении части из состава предложения. Варьирование знаков препинания при обособлении деепричастных оборотов отражает гибкость пунктуации, помогает передать тончайшие оттенки смысла и структурное многообразие речи.

Пунктуационно-графические средства обособления деепричастного оборота подчиняются «стратегии смыслового свертывания и развертывания текста» [6, с. 87], и поэтому проблема выбора знака препинания должна решаться в трех аспектах – номинативном, прагматическом и коммуникативном. И хотя, когда речь идет об обособлении, исследователи склонны считать, что знаки препинания необходимы, «строго обязательны и не могут быть авторскими» [11, с. 18], так как призваны фиксировать грамматическое членение речи, авторская интенция здесь проявляет себя в замене недостаточно сильных знаков препинания знаками более выраженной выделительной силы, благодаря чему происходит усиление пунктуационной позиции.

Разнообразие представленных в практике письменной речи средств, способов и приемов репрезен-

тации деепричастного оборота, неоднозначность интерпретации (смысловой и грамматической) исследуемых фактов свидетельствуют о том, что анализ пунктуационно-графического оформления компонентов, осложняющих высказывание, неизбежно выводит исследователя в сферу явлений, до сих пор не нашедших места в светлом поле языкового сознания и, следовательно, открывающих перспективы дальнейшего научного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
2. Валгина Н. С. Орфография и пунктуация : справочник / Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. – М. : Изд-во Булатникова И. С., 2002. – 320 с.
3. Распопов И. П. Основы русской грамматики : морфология и синтаксис / И. П. Распопов, А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. – 352 с.
4. Шапиро А. Б. Современный русский язык : пунктуация / Шапиро А. Б. – 2-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1974. – 387 с.
5. Наумович А. Н. Современная русская пунктуация / А. Н. Наумович. – Минск : Высш. шк., 1983. – 256 с.
6. Шубина Н. Л. Пунктуация как объект лингвистического описания / Шубина Н. Л. // Русский язык в школе. – 1997. – № 3. – С. 82–88.
7. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса / И. П. Распопов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1973. – 220 с.
8. Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации / В. Ф. Иванова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 64 с.
9. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
10. Ицкович В. А. Опыт описания современной пунктуации / В. А. Ицкович // Нерешенные вопросы русского правописания. – М. : Наука, 1974. – 304 с.
11. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 2004. – 259 с.

Воронежский государственный университет

Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка

E-mail: kolzowa@mail.ru

Тел.: 8-950-761-98-24

Кудрявцева Т. Ю., аспирант кафедры русского языка

E-mail: tatiana-k2304@yandex.ru

Тел.: 8-906-670-12-51

Voronezh State University

Koltsova L. M., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department

E-mail: kolzowa@mail.ru

Tel.: 8-950-761-98-24

Kudriavtseva T. Y., Post-graduate Student of the Russian Language Department

E-mail: tatiana-k2304@yandex.ru

Tel.: 8-906-670-12-51